

УДК 101.1:316.72 + 101.1:316.422

КОНФЛИКТОГЕННАЯ СИТУАЦИЯ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА: НЕСОВМЕСТИМОСТЬ ИНСТИТУТОВ ВМЕСТО СТОЛКНОВЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

А. И. ЕКАДУМОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Национальные государства остаются ключевыми игроками мировой политики. Однако в глобальном мире политика осуществляется в транснациональном пространстве. На осмысление трансгосударственных конфликтов постнациональной эпохи претендуют локально-цивилизационная и цивилизационно-стадиальная концепции социодинамики. Возникновение предпосылок конфликтогенных процессов объясняется несовместимостью локально-цивилизационных идентичностей или несовпадением технико-институциональной организации аграрной, индустриальной и постиндустриальной цивилизационных волн. В мировом пространстве потоков, трансформировавшем политико-экономическое пространство мест, элементы различных цивилизационных комплексов, рассматриваемых как в локально-цивилизационной, так и в цивилизационно-стадиальной исследовательской перспективе, ситуативно комбинируются, что препятствует определению сущностного фактора, инициирующего конфликты субнационального, национального и наднационального масштаба, в контексте цивилизационного подхода. Альтернативой указанным цивилизационным концепциям выступает концепция социальных порядков ограниченного и открытого доступа, описывающая две взаимоисключающие институциональные системы, сосуществующие в глобальном мире, но принципиально различающиеся организацией насилия, а также производством и распределением благ. В предложенной исследовательской перспективе глобальные конфликтогенные процессы предстают не проявлениями столкновения цивилизаций, а следствием сосуществования двух взаимоисключающих режимов инклюзии и организации насилия в условиях детерриторизации.

Ключевые слова: порядок открытого доступа; порядок ограниченного доступа; цивилизация; пространство потоков; конфликт.

Образец цитирования:

Екадумов АИ. Конфликтогенная ситуация глобального мира: несовместимость институтов вместо столкновения цивилизаций. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2025;3:4–11. EDN: JBBVZT

For citation:

Ekadumov AI. Conflictogenic situation of the global world: incompatibility of institutions instead of clash of civilizations. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2025;3:4–11. Russian. EDN: JBBVZT

Автор:

Андрей Иванович Екадумов – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Andrew I. Ekadumov, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences. ekadumov@gmail.com

CONFLICTOGENIC SITUATION OF THE GLOBAL WORLD: INCOMPATIBILITY OF INSTITUTIONS INSTEAD OF CLASH OF CIVILIZATIONS

A. I. EKADUMOV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. Nation-states remain key players in global politics. However, in a globalised world, politics is being implemented in a transnational space. Local-civilizational and civilization-stage concepts of sociodynamics lay claim to understanding transnational conflicts in the post-national era. The emergence of preconditions for conflict-generating processes is explained by the incompatibility of local-civilizational identities or the discrepancy between the technical and institutional organisation of agrarian, industrial, and post-industrial civilizational waves. In the global space of flows that has transformed the political and economic space of places, elements of various civilizational complexes, considered from both local-civilizational and civilization-stage research perspectives, are situationally combined, which prevents the identification of the essential factor initiating conflicts on a subnational, national, and supranational scale within the context of the civilizational approach. An alternative to the indicated civilizational concepts is the concept of limited and open access social orders, which describes two mutually exclusive institutional systems that coexist in a global world but differ fundamentally in the organisation of violence, as well as the production and distribution of wealth. In the proposed research perspective, global conflict-generating processes are not manifestations of a clash of civilizations, but rather the consequence of the coexistence of two mutually exclusive modes of inclusion and the organisation of violence in a context of deterritorialisation.

Keywords: open access order; limited access order; civilization; space of flows; conflict.

Транснационализация является сущностной характеристикой мировой динамики. Сотрудничество и конфликты субнационального и национального уровня обрели транснациональный характер. Теоретическое осмысление конфликтогенных процессов предполагает выход за рамки национально-государственной оптики, «методологического национализма» [1].

Альтернативой национально-государственной перспективе политико-философских исследований выступил цивилизационный подход. Осмыслению конфликтов транснационального масштаба были посвящены локально-цивилизационная концепция С. Хантингтона и цивилизационно-волновая концепция Э. Тоффлера [2–4]. Согласно модели С. Хантингтона межцивилизационные конфликты обуславливаются несовместимостью аксиологических систем и идентичностей участников. Э. Тоффлер связывал межцивилизационный конфликт с технико-институциональной рассинхронизацией глобального человечества.

Недостатки подобных концепций обнаруживаются при попытке их приложения к политической практике, требующей устойчивых институциональных форм разрешения конфликтов, агрегации и репрезентации интересов. Как у С. Хантингтона, так и у Э. Тоффлера цивилизация выступает понятием-маркером для комплексов институтов и идентичностей, либо имеющих политическую репрезентацию, либо претендующих на нее. Но утверждение их присутствия в политической повестке не требует обязательного обращения к понятию «цивилизация».

Политические организации репрезентируют интересы и идентичности (религиозные, национальные, социально-классовые и др.). Однако артикулирован-

ный цивилизационный интерес и цивилизационная идентичность не представлены в дискурсе политической борьбы и сотрудничества в той же мере, что и вышеперечисленные идентичности. Концепт цивилизации позволяет мыслить характеристики устойчивых макросоциальных групп в контексте их взаимного позиционирования – не на основании сходств, но на основании различий, эксплицируемых не самими системами ценностей, технологиями или социальными институтами как таковыми, но их устойчивыми конфигурациями в процессе воспроизводства социокультурной целостности, отграниченной от иных целостностей, иных цивилизаций.

В рамках концепции С. Хантингтона границы цивилизации, хотя и гипотетически привязанные к территории, не могут быть четко обозначены на практике, поскольку цивилизация как уникальная система устойчивых идентичностей существует там, где есть ее представители. В контексте концепции Э. Тоффлера территориальные границы цивилизационных волн также не могут быть ясно определены, поскольку институты, представления и технологии сосуществуют в социальном пространстве и времени, образуя уникальные конфигурации. В повседневной жизни индивидов могут сочетаться институциональные и технологические компоненты всех этапов цивилизационного процесса. Цивилизационные волны, наслаиваясь, порождают технологически-институциональный микс, ситуативную комбинацию представлений и практик.

Проблема применения концепта цивилизации к описанию и объяснению конкретных глобальных конфликтов связана с проблемой институционально-политических репрезентаций персональных и групповых идентичностей. Политическое представительство, связывающее интересы, социальные статусы

и идентичности, как инструмент социальной инклюзии или сегрегации, предполагает наличие некоторой общности и ее отдельных представителей. Помимо политического представительства, общность репрезентируется в некоторых дискурсивных практиках. Она наделяется возможностью публичного существования и статусом представленности в общественно-политическом дискурсе. Если концепт цивилизации присутствует в политическом дискурсе, возможно допустить использование концептов цивилизационной идентичности, цивилизационных интересов и цивилизационных прав. Однако само по себе употребление подобных концептов в публичном дискурсе еще недостаточно для их институционального воплощения.

Описание трансгосударственных конфликтов как межцивилизационных возможно. Но операционализация такого описания и переход на уровень выработки конкретных политических стратегий проблематичны, поскольку цивилизация как таковая не имеет отчетливого институционально-политического выражения. Термин «цивилизация» маркирует в том числе некоторые типы политического представительства, однако не обособлено, а в сложном сочленении с культурными, экономическими и технологическими феноменами.

У общностей, определяемых как цивилизационные, а не религиозные, социальные или этнические, нет институционально оформленного политического представительства. Цивилизация, представленная в политическом дискурсе, не существует в качестве специфического института. Она обозначает конфигурацию институтов и представлений, которые могут быть задействованы в политическом противостоянии как по отдельности, так и в различных комбинациях. При более детальном масштабировании цивилизационный конфликт конкретизируется как религиозный, ценностно-этический, конфликт экономических интересов и т. д., в итоге он сводится к социально-политическому конфликту.

В трактовке цивилизационного конфликта С. Хантингтона несовместимые идентичности, сопряженные с несовместимыми системами ценностей, обрекают цивилизационных акторов на фатальное противостояние в шмиттеанском смысле. Цивилизационный *Другой* превращается в экзистенциально враждебного чужого. Но идентичностная сложность, ситуативно актуализируемая внутри динамичного комплементарного социокультурного пространства, объемлющего наряду с пространством территорий пространство потоков, не позволяет вычленивать субстанциальные основания монолитной цивилизационной идентичности для успешного прогнозирования и разрешения глокальных конфликтов. Глобальная экономика, становление которой проанализировал М. Кастельс, функционирует в масштабах всей планеты. В мире, организованном

соответственно логике функционирования транснациональных промышленно-торговых сетей, внутри всеобъемлющей системы информационно-товарных потоков всякое географическое место утрачивает самодостаточность, а относимые к нему идентичности – свою историческую укорененность [5]. Поскольку экономические институты не существуют автономно от политических [6], экономическая глобальность предполагает также и политическую, тогда как культурная уникальность неизбежно воспроизводится внутри глобального пространства потоков в процессе адаптации конкретной культуры к транснациональному контексту.

В рамках локально-цивилизационной концепции С. Хантингтона достаточный учет глобальной социодинамики, трансформирующей идентичности и путающей цивилизационные границы, о которых он пишет, невозможен. Как отмечает Ю. М. Лотман, рассмотрение культур как автономных, изолированных и самодостаточных миров является умозрительным приемом, оправданным в отношении непродолжительных промежутков исторического времени [7].

Сопоставление локально-цивилизационной и стадияльно-цивилизационной моделей описания глобального мира обнаруживает общие проблемы осмысления конфликтогенных аспектов социодинамики. Линии цивилизационных конфликтов, намеченные С. Хантингтоном, не существуют в мире цивилизационных волн, описанном Э. Тоффлером. Конфликт между территориями идентичностей не тождествен конфликтам идентичностей институционально-технологических эпох.

В рамках концепции Э. Тоффлера конкурирующие цивилизации отчетливо различаются на основании преобладающих технологий и социальных институтов, которые, в отличие от персональных цивилизационных идентичностей, доступны внешнему наблюдению, что позволяет увязать теоретические построения с социокультурной практикой. Но цивилизационно-волновая модель Э. Тоффлера как концептуальное основание прогнозов и стратегий разрешения глокальных конфликтов имеет изъяны, аналогичные изъянам, содержащимся в концепции С. Хантингтона.

Как в рамках концепции С. Хантингтона цивилизации не имеют границ столь же очевидных, как границы территориальных государств, так и в контексте концепции Э. Тоффлера их не имеют цивилизационные волны. Границы, по которым возможно прочерчивание линий цивилизационных конфликтов, четкое отдифференцирование институтов, представлений, идентичностей одной цивилизационной волны от другой, не ясны. В то же время государства, даже с учетом глобальных эффектов детерриторизации, демонстрируют куда большую территориальную определенность.

Чтобы межгрупповые конфликты могли быть адекватно осмыслены как цивилизационные, их

теоретическая репрезентация внешним наблюдателем должна совпасть с идеолого-идентичностной перспективой непосредственных участников. В противном случае определение конфликта как цивилизационного превращается в спекулятивную интерпретацию исследователя. Тематизация столкновения этнокультурных, религиозных, экономических и прочих интересов должна, с точки зрения актора, уступить тематизации конфликта как столкновения цивилизационных идентичностей, что предполагает наличие некоего актуального нереализованного цивилизационного интереса, более очевидного, чем социально-классовый, профессиональный, религиозно-конфессиональный, этнонациональный и др. Но, поскольку институты, ассоциируемые с разными цивилизациями как в рамках локально-цивилизационной, так и в рамках цивилизационно-волновой концепции, сосуществуют, конфликтуя и дополняя друг друга в жизненных ситуациях конкретных индивидов и групп, так называемая цивилизационная идентичность оказывается неартикулированной в повседневности, текучей и ситуативной, зависящей от наличной комбинации жизненных практик и ситуаций, актуализированных ими представлений.

Межгрупповой конфликт, описанный как цивилизационный, может актуализировать не только весь комплекс групповых характеристик, соотносимых с постулируемой цивилизационной принадлежностью, но и отдельные характеристики или их сочетания в качестве сущностных идентификаторов конфликтующих сторон. Любой признак, принятый в качестве одного из сущностных маркеров цивилизационной принадлежности, может иметь свое отдельное политическое выражение как маркер размежевания в политической борьбе, сопряженный с более узкой, нежели цивилизационная, идентичностью. В теоретическом описании мозаика психологических, мировоззренческих, политико-прагматических и прочих факторов социодинамики обретает концептуально представленную целостность в понятии цивилизации. Но для политико-институциональной репрезентации интересов и идентичностей цивилизационный концепт избыточен. Как отмечает У. Бек, идентичности в глобальном обществе, сформированном на базе институтов зрелого модерна, не противопоставляются по принципу *свое – чужое*, а дополняют друг друга [1]. Ввиду причастности к глобальной модерности, неизбежной уже в силу усвоения современных практик пользования технологиями, производится сложная идентичность, сочетающая автохтонные, традиционные паттерны с привнесенными, инновационными культурными программами. В подобной ситуации лояльность культурным образцам, дополненным «репертуарами» моральных оценок и психологических реакций, становится ситуативной, текучей, индивидуально вариативной. В то же время на мировой арене в ка-

честве основных, институционально представленных игроков по-прежнему фигурируют государства и их блоки, а не цивилизационные альянсы. Хотя государственный суверенитет реализуется в условиях транснационализации, именно национально-государственный, а не цивилизационный формат определяет дизайн мировой политики, поскольку национально-гражданская идентичность, помимо культурных репрезентаций и саморепрезентаций, сопряжена с политическим представительством и гарантиями социальной защиты. Гражданство конкретного государства не имеет равноценного конкурента в виде цивилизационной принадлежности. Хотя национально-государственная идентичность и претерпела трансформации в связи с формированием транснационального уровня политики [1], она имеет куда более очевидные институциональные основания, нежели цивилизационная.

Применение понятия цивилизации к описанию глобальных конфликтов с претензией на операциональное использование термина в их разрешении проблематично. Стороны конфликта субъектны, тогда как цивилизации на фоне национальных государств транснациональных корпораций и ячеек глобальных сетевых структур не выступают целостными экономическими и политическими субъектами. Отдельного института цивилизации не существует, но сами цивилизации предстают комплексами специфических институтов. У цивилизации в наличной политико-институциональной системе нет действующего политического субъекта, позиционированного не в теории, но в политической и юридической практике как субъект цивилизационный. Попытка мыслить трансгосударственный конфликт в рамках концепций, ориентированных на производство конкретных институциональных решений, упирается в проблему отсутствия у мировоззренчески-институционального комплекса, определяемого как цивилизация, особого политического института, представляющего цивилизацию и некую самоочевидную цивилизационную идентичность как таковую, а также репрезентирующего цивилизационного политического субъекта, а не конкретные институциональные компоненты этого комплекса и относящихся к ним субъекты с их специфическими интересами. Но именно политика выступает сферой отстаивания интересов и разрешения конфликтов посредством учреждения правил, определяющих соблюдение интересов.

Если локально-цивилизационная идентичность существует, она складывается из множества более узких и специализированных идентичностей соответственно сферам реализации интересов и жизненных практик, ассоциируемых в исследовательском дискурсе с некоторой локальной цивилизацией, но по отдельности еще не цивилизационных. Аналогичная проблема обнаруживается при осмыслении

жизненных практик и представлений в контексте цивилизационно-волновой модели. Привязка повседневных представлений и нормативно-ценностных ориентаций к комплексам доиндустриальных, индустриальных и постиндустриальных технологий, сопряженных с соответствующими институтами, позволяет идентифицировать жителя планеты как представителя одной из цивилизационных волн. Но когда ввиду пребывания элементов предыдущих волн внутри последующих во внимание принимаются не отдельные, изолированно рассмотренные институциональные приверженности, представления и востребованные технологии, а их конкретные ситуативные сочетания, цивилизационная идентификация конкретного индивида представляется проблематичной. Глобальная разноскоростная и разноуровневая социокультурная и технологическая модернизация продуцирует институционально-технические гибриды, комплексы практик, представлений и артефактов, сочетающих компоненты, соответствующие каждой из цивилизационных волн. Как отмечает Г. Люббе, модернизация создает в обществе растущий избыток разнородных реалий, одновременность исторически разновременного [8].

Цивилизацию, как уникальный культурно-институциональный комплекс, сложно локализовать в географическом пространстве осуществления политики и права. Цивилизации, как и стадии глобальной социокультурной динамики, при смещении фокуса анализа с исторических эпох на комплексы актуальных индивидуализированных практик сложно разграничить. Поскольку цивилизационные волны неравномерно и несинхронно распространяются по планете, конфликт цивилизаций, как его мыслит Э. Тоффлер [3], протекает между комплексами институтов, каждый из которых по отдельности может соотноситься с одним из трех этапов развития человечества. Но в границах территориального государства эти центры также могут сосуществовать, генерируя цивилизационные гибриды.

Межцивилизационный конфликт в контексте его описания как С. Хантингтоном, так и Э. Тоффлером предстает как трансгосударственный. Он может протекать внутри территориального государства, между государствами или иметь транснациональный характер. В то же время цивилизация не имеет собой юрисдикции как некая политико-административная целостность, отличная от территориального государства и сопоставимая с ним по институциональной мощи. Постулируемая цивилизационная идентичность, понятая как идентичность высшего порядка, разлагается на куда более актуальные, укорененные в повседневных практиках и представлениях идентификации, соотносимые с различными институтами.

Трансгосударственный конфликт, определяемый в локально-цивилизационной или цивилизационно-

волновой трактовке как межцивилизационный, не может быть локализован в пространстве и времени подобно межгосударственному конфликту. Хотя С. Хантингтон и осуществляет территориальную привязку его границ к границам локальных цивилизаций, при детальном анализе и конкретизации оснований конфликта его определение как цивилизационного становится избыточным. Трансгосударственный конфликт получает более узкое политически операционализируемое определение как религиозный, этнический, социальный и др. Вместе с тем, несмотря на отмеченные проблемы, цивилизационные концепции С. Хантингтона и Э. Тоффлера обнаруживают ценную интенцию, которая заключается в осознании трансграничного характера конфликтов в постнациональном мире и стремлении выделить сущностные основания, общие для конфликтогенных процессов субнационального, национально-государственного и транснационального масштаба.

В мире глобальных сетей и потоков конфликты могут разворачиваться на любом из трех уровней противостояния сторон, масштабируемом относительно национально-территориальных границ (внутригосударственный, межгосударственный и наднациональный), вплоть до общепланетарного уровня. Они могут протекать как на одном из уровней, так и на всех сразу. Государственные границы не утрачивают своей роли в качестве линий разделения противоборствующих сторон. Но линии глокальных конфликтов существуют также внутри границ территориального государства и на ситуативно формирующихся фронтах трансгосударственно-сетевых альянсов. Трансформацию социокультурного пространства, в котором осуществляется сотрудничество и разворачиваются конфликты, описывает М. Кастельс [5]. Цивилизационный конфликт, как его осмысливает С. Хантингтон, переформулированный в контексте идей М. Кастельса, разворачивается в пространстве мест, тогда как социодинамика глобального мира осуществляется в пространстве потоков. Границы протекания социокультурных процессов внутри мира потоков подвижны, они конфигурируются ситуативно, что не позволяет описывать и прогнозировать динамику конфликта в оптике мира, организованного как пространство мест. Территориальные государства оказались акторами внутренней мировой политики, переросшей прежнюю международную политику, теоретически масштабируемую соответственно политической оптике автономных наций [1]. Как мир наций трансформировался в мир транснациональный, так и мир цивилизаций, представленный в рамках концепции С. Хантингтона, но переосмысленный в соответствии с концепцией пространства потоков, предстает как мир трансцивилизационный. Но если политическая нация, как сложный комплекс идентичностей и институтов,

репрезентируется с помощью такой территориально зафиксированной и институционально определенной политической формы, как государство, то локально масштабируемая уникальная автохтонная цивилизация дробится и растворяется во множестве динамичных, ситуативно сконфигурированных социокультурных форм, она не имеет такой же стабильной политико-институциональной формы репрезентации, как территориальное государство.

Продуктивным ходом в анализе трансграничных конфликтов глобального мира представляется отказ от попыток жестко увязать идентичности и соответствующие им социальные институты с определенными территориями или наложившимися друг на друга цивилизационными волнами. Инструментарий исследования конфликтов глобального мира должен обеспечивать как их универсальное теоретическое описание, так и возможность локального масштабирования, адаптирующего описание конфликта к уникальной ситуации столкновения интересов, т. е. теоретическое описание должно соответствовать максимальному числу ситуаций, отображать сущностные, родовые характеристики конкретных социокультурных конфликтов, формируя их общее, стратегическое видение и позволяя предугадывать универсальные компоненты в комплексах мер, адаптированных к уникальным проблемным ситуациям. Соответственно, встает проблема выделения конфликтогенного фактора, способного проявляться на субгосударственном, национально-государственном и наднациональном уровнях внутренней мировой политики, независимо от конкретных культурных особенностей, приписываемых групповых идентичностей и специфики ситуативно реализованного комбинирования институциональных и технологических компонентов социодинамики.

Послужить теоретической основой для анализа локальных проблем с универсальных позиций способна концепция двух порядков организации насилия, разработанная Д. Нормом, Д. Уоллисом и Б. Вайнгастом [9]. Подход указанных авторов к осмыслению мировой и локальной социодинамики сопоставим с версиями цивилизационного подхода, тяготеющими к цивилизационно-волновой модели. Однако ключевым признаком разграничения стадий социокультурной динамики здесь выступают не историческая уникальность социальных институтов как таковая, не технологии, ценностные представления или устойчивые идентичности, а способы организации насилия, сопряженные с возможностями социально-политической инклюзии, производства и распределения благ.

Анализируя историю человечества с эпохи возникновения первых государств как устойчивых во времени социально-политических структур, контролирующих насилие, Д. Норт, Д. Уоллис и Б. Вайнгаст выделяют два поочередно формирующихся социальных порядка. Исторически первым оформляется

порядок ограниченного доступа, или естественное государство. В процессе социокультурной модернизации развивается порядок открытого доступа. В рамках порядка ограниченного доступа контроль над насилием осуществляется посредством эксклюзивного распределения рент среди обладателей ресурсов насилия. В контексте порядка открытого доступа общественная стабильность и минимизация насилия достигаются с помощью повышения инклюзии, расширения политического и экономического участия, отделения вооруженной силы от источников богатства, процессов созидательного разрушения как самообновления политических и экономических институтов.

Концепция социальных порядков Д. Норта, Д. Уоллиса и Б. Вайнгаста универсальна применительно к анализу механизмов регулирования насилия и динамики конфликтов в конкретных социокультурных условиях. Эти конфликты протекают и регулируются преимущественно либо в системе институтов ограниченного доступа, либо в системе институтов открытого доступа. Любой социальный институт и фундаментальная идентичности совокупность ценностных предпочтений могут быть отнесены к одному из порядков инклюзивности и организации насилия. Моральный партикуляризм и борьба за привилегии сочетаются с порядком ограниченного доступа. Моральный универсализм и борьба за равные возможности утверждают порядок открытого доступа [10]. В то же время историко-культурологическая конкретика не является принципиальной в идентификации функционирующих институтов как соответствующих одному из социальных порядков.

Локальная и стадияльная цивилизационные концепции основаны на понятии цивилизации, позволяющем описывать комплексы институтов, технологий и идентичностей как территориально и темпорально устойчивые целостности. Но любой из компонентов такой целостности может быть выделен в качестве отдельной сферы развертывания конфликта (религиозная, этническая, социально-экономическая), что усложняет редуцирование комплексов причин противоборства к цивилизационным. При детальном анализе цивилизационные предпосылки конфликтов сами сводятся к религиозным, этническим и др. Напротив, концепцией порядков доступа может быть представлен любой социально-технический и идентичностный комплекс, многообразие разноразмерных иерархических компонентов которого редуцируется к фундаментальному признаку (преобладающему способу организации насилия посредством доступа к учреждению и функционированию институтов). Концепция порядков доступа позволяет абстрагироваться от мировоззренческой и институционально-технологической конкретики места и времени и выделить в системе институтов сущностный принцип функционирования, определяющий

способы отстаивания интересов и обуздания насилия. За конкретными условиями и предпосылками глокальных конфликтов, определяемых С. Хантингтоном как локально-цивилизационные, а Э. Тоффлером как темпорально-цивилизационные, в концепции порядков доступа выявляется взаимная эрозия двух режимов организации инклюзии и насилия, принципиально не реализуемых синхронно в одном и том же социальном пространстве. Все социальные институты и соответствующие им ценностно-мировоззренческие представления, соотнесенные с совокупностями идентичностей, в рамках данной модели выступают либо конфликтно нейтральными, либо представляющими один из режимов политико-экономической инклюзии. Доступ к контролю насилия и, соответственно, производству и распределению благ выступает ключевым фактором, определяющим конфигурацию всех прочих характеристик зарождения и протекания конфликтов внутри глобального общества. Любой социальный институт, независимо от его историко-культурной и территориальной соотнесенности, в конкретном эпизоде межинституционального взаимодействия выступает если не нейтральным, то либо способствующим, либо препятствующим воспроизводству одного из социальных порядков за счет другого.

Базовые сценарии минимизации и разрешения конфликтов реализуются в рамках двух порядков. При порядке ограниченного доступа конфликты гасятся эксклюзивным распределением рент и возможностей в обмен на отказ от насилия. При порядке открытого доступа ресурсы насилия отделены от источников богатства, а конфликты минимизируются посредством самообновления технико-институциональной системы, которое влечет производство новых источников богатства и возможностей. В мире, развивавшемся по преимуществу как пространство территорий, в институциональном дизайне территориальных государств вследствие модернизационных процессов с начала XX в. преобладал один из порядков доступа. Государственно-территориальная организация мира позволяла данным порядкам сосуществовать в режиме конфликта или сотрудничества относительно обособленно, на конкретных территориях преобладал комплекс институтов, относимых к одному из порядков. Ресурсы богатства и власти, доступные в обществах с доминированием одного из порядков обретения благ и осуществления насилия, позволяли их элитам извлекать выгоды как из своего положения на родине, так и из взаимодействия с элитами обществ, реализующих иной порядок доступа.

Сотрудничая с элитами систем с порядком открытого доступа бенефициары систем с порядком ограниченного доступа приобретают возможность пользоваться преимуществами, предоставляемыми порядком открытого доступа. Аналогично представители обществ с порядком открытого доступа

в обществах с порядком ограниченного доступа обретают эксклюзивные возможности, недоступные (недопустимые) в их институциональной системе. В плане долгосрочных последствий такое взаимодействие предстает как токсичный симбиоз [11]. При взаимодействии с обществом с порядком ограниченного доступа общество с порядком открытого доступа производит в нем эрозию рент: создание новых источников благ обесценивает привилегии бенефициаров силового ресурса, мотивировавшие их отказ от насильственного перераспределения богатства. Система с порядком ограниченного доступа, предоставляя элитам систем с порядком открытого доступа избыточные эксклюзивные возможности, коррумпирует его институты. В итоге обоюдной экспансии взаимоисключающих режимов экономики насилия оба порядка подвергаются разрушительным трансформациям. Механизмы минимизации конфликтов, эффективные в каждом порядке по отдельности, функционируют внутри обеих систем параллельно. В глобальном мире, на территориях, где преобладают институты порядка открытого доступа, параллельно воспроизводятся институты порядка ограниченного доступа. В политическом пространстве порядка ограниченного доступа сказывается влияние институтов порядка открытого доступа. Но способы отстаивания личных и групповых интересов, приемлемые в одном институциональном порядке контроля над насилием, разрушительны для другого. Акторы, эффективно отстаивающие интересы с опорой на принципы одного из порядков, не могут достичь успеха характерными для него средствами в институциональной системе, иначе организующей экономику насилия. Происходит взаимное ослабление режимов контроля над насилием, что формирует предпосылки его возможной эскалации. В процессе контроля над насилием наличные ресурсы принуждения и поощрения используются двумя режимами доступа на взаимоисключающих принципах. Ситуация усугубляется по мере глобализации, когда последствия функционирования институтов не ограничиваются конкретными зафиксированными территориями. Порядки доступа воспроизводятся глокально, по всей планете. Оба порядка могут одновременно реализоваться на единой территории. Но такое сосуществование само по себе выступает предпосылкой продуцирования конфликтов, взаимного блокирования прежде эффективных механизмов их предотвращения. Стратегии минимизации насилия, эффективные в условиях систем с порядком открытого доступа, нереализуемы или неэффективны в условиях систем с порядком ограниченного доступа, и наоборот. Сценарии минимизации насилия одного режима способны спровоцировать его в другом. В глобальном пространстве потоков четкая территориальная локализация эффектов от воспроизводства институтов обеих

порядков не представляется возможной. Конфликтным фактором мировой динамики выступает несовместимость принципов обуздания насилия, реализуемых двумя глобально представленными порядками доступа.

Таким образом, локальные конфликты вокруг применения насилия и распределения благ, за вычетом конфликтов, протекающих внутри определенного институционального режима, предстают частными проявлениями конфронтационно-симбиотического сосуществования двух глобально представленных порядков организации насилия. В предложенной теоретической оптике на смену биполярному миру политико-идеологических блоков пришел не мир территориально или темпорально позиционированных, конфликтующих или сотрудничающих цивилизаций, а конфронтационно-симбиотическая глобальность двух институциональных систем контроля над насилием.

Развертывание масштабных конфликтов в формате, соответствующем национально-политическому

пространству мест, востребовало отмеченный У. Бек-ом методологический национализм, представлявший мир как систему территориальных государств и их альянсов. Глобализация, не упразднившая национальные идентичности и территориальные государства, но породившая эффекты детерриторизации, ознаменовала переформатирование мира в транснациональное пространство потоков. Последствия функционирования институтов открытого и ограниченного доступа сказываются на одних и тех же географических территориях, как непосредственно в местах расположения конкретных организаций, так и вдали от них. Конфликты обрели глокальную природу. Анализ глобальной социодинамики как обусловленной взаимовлиянием порядков доступа обнаруживает основания трансгосударственных конфликтов не в постулируемом столкновении цивилизаций, но в параллельном воспроизводстве социальных институтов, реализующих взаимоисключающие сценарии организации насилия и распределения благ в условиях детерриторизации.

Библиографические ссылки

1. Бек У. *Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия*. Григорьев А, Седельников В, переводчики. Москва: Прогресс-Традиция; 2007. 464 с. Совместно с издательским домом «Территория будущего» (Университетская библиотека Александра Погорельского).
2. Хантингтон С. *Столкновение цивилизаций*. Королев К, Кривцова Е, редакторы; Велимеев Т, переводчик. Москва: АСТ; 2003. 603 с.
3. Тоффлер Э. *Третья волна*. Рюмин С, переводчик. Москва: АСТ; 2009. 795 с.
4. Тоффлер Э, Тоффлер Х. *Война и антивоина. Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века*. Левина МБ, переводчик. Москва: АСТ; 2005. 412 с. Совместно с издательством «Транзиткнига».
5. Кастельс М. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*. Верпаховский Б, Тищенко ДА, Субочев АН, переводчики. Москва: Высшая школа экономики; 2000. 608 с.
6. Норт Д, Уоллис Д, Вайнгаст Б. *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. Узланер Д, Марков М, Расков Д, Раскова А, переводчики. Москва: Институт Гайдара; 2011. 480 с.
7. Лотман ЮМ. *Избранные труды в трех томах. Том 1, Статьи по семиотике и типологии культуры*. Таллин: Александра; 1992. Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении; с. 121–128.
8. Люббе Г. *В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем*. Куренный В, редактор; Григорьев А, Куренный В, переводчики. Москва: Высшая школа экономики; 2016. 456 с. (Исследования культуры).
9. Екадумов АИ. Глобальный конфликт в условиях детерриторизации. В: Лазаревич АА, редактор. *Интеллектуальная культура Беларуси: проблемы интерпретации философского наследия и современные задачи гуманитарного знания. Материалы XI Международной научной конференции. Том 2; 17–18 ноября 2022 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Институт философии НАН Беларуси; 2022. с. 309–312.
10. Екадумов АИ. Инклюзия против привилегий: мотивы лояльности социальным порядкам. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2022;1:27–31. EDN: KTXPWD.
11. Екадумов АИ. Токсичный симбиоз: порядки организации насилия в глобальном мире. В: Зеленков АИ, редактор. *Перспективы белорусско-китайского диалога в условиях глобальной нестабильности. Сборник научных статей и материалов XV Международного междисциплинарного научно-теоретического семинара «Инновационные стратегии в современной социальной философии»; 7–8 декабря 2021 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2021. с. 181–191.

Статья поступила в редакцию 13.02.2025.
Received by editorial board 13.02.2025.